

The background image is a atmospheric photograph of a narrow, foggy street in a European city, likely St. Petersburg. In the center background, a large, ornate cathedral with a prominent dome and arched windows rises above the street level. The street is lined with historic buildings featuring classical architectural details. Warm, glowing street lamps are positioned along both sides of the road, casting a soft light on the wet pavement. In the foreground, a person wearing a dark trench coat and a hat is seen from behind, walking away from the viewer down the center of the street. To the left, there are outdoor seating areas with wooden tables and chairs, where a few people are seated. The overall mood is mysterious and evocative, typical of a detective novel cover.

Владимир Кожедеев

*Детектив
«Имперская
правда». Книга 2*

Владимир Кожедеев
Детектив «Имперская
правда». Книга 2
Серия «Исторические
детективы», книга 2

*<https://litres.ru/73929834>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Москва, начало XX века. Над городом моросит бесконечный дождь, в трактирах на Хитровке пьют дешёвую водку, в роскошных особняках куются заговоры против императора, а на улицах бесследно исчезают люди. В этой мрачной и опасной атмосфере живёт и работает Николай Иванович Прянишников — бывший следователь сыскной полиции, уволенный за принципиальность, а ныне частный сыщик, берущийся за самые безнадёжные дела.

К нему обращаются графини и воры, купцы и революционеры, потерявшие наследство дворяне и обезумевшие от горя матери. Прянишников не гонится за славой и богатством — он ищет правду. Даже когда правда ведёт в самые высокие кабинеты империи. Даже когда за ней стоят великие князья и тайные общества. Даже когда на кону — его собственная жизнь.

Дело за делом, улика за уликой, Прянишников распутывает клубок преступлений, которые приводят к одному и тому же центру: тайной организации, десятилетиями грабившей казну, убивавшей свидетелей и вершившей судьбы России из тени.

Содержание

Глава 1. Призрак прошлого.	5
Глава 2. Смерть среди атласа и шёлка.	18
Глава 3. Ловушка для призраков.	31
Глава 4. Бриллианты купчихи Блохиной.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Кожедеев

Детектив «Имперская правда». Книга 2

Глава 1. Призрак прошлого.

За окном снова моросил дождь. Тот самый, бесконечный московский дождь, под который я привык думать, вспоминать, прокручивать в голове уже, казалось бы, решённые дела. Вода стекала по мутным стёклам моего кабинета на Тверской, собиралась в тяжёлые капли и срывалась вниз, в лужи, где отражались жёлтые огни редких фонарей. Свет керосиновой лампы дрожал, отбрасывая пляшущие тени на стены, увешанные старыми выписками из дел, фотографиями преступников и пожелтевшими картами Москвы.

Прошло всего три месяца после казни фон Мекка и Эпштейна. Три месяца тишины, которую я пытался заполнить привычной работой — слежкой за неверными мужьями, поиском пропавших собак, составлением исковых заявлений для купцов, не поделивших наследство. Три месяца относительного покоя, когда Петька перестал оглядываться через плечо, когда Серёжка научился спать без кошмаров, когда я позволил себе роскошь просто сидеть вечерами с книгой и

стаканом чая.

Но тишина эта была обманчива. Я чувствовал это нутром, тем чутьём, которое вырабатывается у сыщика после двадцати лет погонь, засад и ночных дежурств. Она была неестественной — как затишье перед бурей, когда воздух становится плотным и тяжёлым, когда птицы замолкают, а собаки жмутся к ногам хозяев. Где-то там, за горизонтом, уже клубились тучи. И я ждал. Только не знал — чего.

В конторе было тепло. Печь, которую Серёжка протопил с утра, ещё дышала жаром, и воздух пах сухими дровами, табаком и ещё чем-то домашним — пирогами, что приносила нам изредка вдова квартального надзирателя, питавшая к Петьке нежные чувства. Мой старый письменный стол был завален бумагами — прошлогодние счета, неразобранные донесения, черновики отчётов. В углу, как всегда, стоял мешок с картошкой. Тот самый, первый, который притащил мне фермер в уплату за сбежавшую лошадь. Картошка давно проросла, давно дала зелёные ростки, которые тянулись к тусклому свету лампы. Я так и не выбросил её — пусть растёт. Это был мой маленький символ жизни, которая пробивается даже сквозь самый чёрный, самый беспросветный мрак.

Петька сидел на низкой табуретке у окна и перебирал бумаги, лениво раскладывая их по стопкам. Он заметно вырос за последние годы — худой, жилистый, с цепким взглядом бывшего беспризорника и руками, которые могли и замок

вскрыть, и рожу начистить. Серёжка, наоборот, был плотным, коренастым, с серьёзными глазами и привычкой всё записывать — у него уже была толстая тетрадь, куда он заносил каждое дело, каждую улику, каждое имя.

— Николай Иванович, — позвал Петька, не поднимая головы от газеты. — Вы газеты сегодня читали?

— Не до жиру, — буркнул я. — Был в министерстве, доклады разбирал. Что там стряслось?

— Опять кого-то убили, — он перевернул страницу и прищелкнул. — На этот раз — крупного фабриканта из Петербурга. Павел Григорьевич Морозов. Слышали такого?

Я насторожился. Морозов — это имя было мне знакомо. Тот самый Морозов, владелец текстильных мануфактур, что недавно получил крупный подряд на поставку обмундирования для армии. Тот самый, который состоял в комиссии по расследованию хищений при военном ведомстве и давал показания против одного из петербургских сановников.

— Почерк тот же? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не знаю, — Петька пожал плечами. — Тут написано, что убит странным способом. Удар в основание черепа. Говорят, чисто, профессионально, даже крови почти не было.

У меня ёкнуло сердце. Это был тот самый почерк. Тот самый стилет, который оставлял после себя едва заметную ранку у затылка. Я знал эту технику — её использовали в Европе наёмные убийцы из некоторых закрытых школ. В России

такой способ называли «поцелуй смерти» — быстрый, почти безболезненный, но неотвратимый.

— Дай сюда, — я протянул руку.

Петька подал газету. Это был «Московский вестник» — та самая газета, с редактором которой у меня случилась памятная беседа. Теперь Рыков печатал всё, что я просил, и его материалы были надёжны как сводки генерального штаба.

Я пробежал глазами статью. Убит владелец текстильных мануфактур Павел Григорьевич Морозов. Мужчина пятидесяти двух лет, крупный промышленник, благотворитель, член Государственного совета. Найден мёртвым в своём кабинете, в родовом особняке на Адмиралтейской набережной. Дверь была заперта изнутри, окна — закрыты. Никаких следов взлома. На шее — след от тонкого стилета, эксперты определили — итальянская работа, лезвие трёхгранное, шириной не более двух миллиметров. И, что самое страшное, на столе, рядом с телом, лежал клочок бумаги, на котором была отпечатана на машинке три переплетённых кольца — тот самый знак, который мы уже видели на телах жертв Шереметева и фон Мекка.

— Они вернулись, — сказал я глухо.

— Кто? — спросил Серёжка, отрываясь от своих записей. Его глаза округлились — он уже понял, что я имею в виду, но хотел услышать это от меня.

— Те, кого мы не нашли. Те, кто стоял за Шереметевым и фон Мекком. Им есть кого спасать, им есть за что мстить, и,

видит Бог, у них ещё остались деньги, чтобы нанять новых исполнителей.

Я встал, прошёлся по кабинету. Половицы скрипели под моими шагами — старый деревянный пол, который помнил ещё первых хозяев дома, купцов Свешниковых. Мысли метались, как загнанные звери в тесной клетке. Что делать? Как искать? Времени нет — если убийства продолжатся, то уже через месяц Москва и Петербург будут в панике. Император потребует результатов, а у нас — ничего. Ни единой зацепки, кроме этого проклятого знака, который мог означать что угодно и ничего одновременно.

— Читайте дальше, — велел я, показывая на газету. — Там должно быть что-то ещё. Газетчики никогда не ограничиваются сухим изложением фактов.

Петька углубился в чтение, шевеля губами — привычка, оставшаяся с детства, когда его учила грамоте всё та же вдова квартального надзирателя.

— Есть, — сказал он через минуту. — Тут написано, что Морозов в последнее время получал угрозы. Письма с требованием прекратить расследование хищений в военном ведомстве. Он даже обращался в полицию, но там отмахнулись. А ещё... ещё тут сказано, что у него нашли записную книжку, где были имена каких-то высокопоставленных лиц. Полиция молчит, но газете удалось узнать — там фигурируют фамилии Игнатьева, Шувалова и ещё кого-то из петербургской знати.

— Игнатьев? — переспросил я. — Граф Игнатьев? Статс-секретарь? Доверенное лицо императора?

— Он самый.

Я присвистнул. Если фамилия Игнатьева всплыла в записной книжке убитого, то это уже не просто уголовщина — это заговор на самом верху. Это война, в которой пешки — люди, а ставки — судьбы государства.

— Пётр, дуй к Горелову, — скомандовал я. — Скажи, чтобы срочно приезжал. Бери извозчика, не жалея денег. Если его нет в управлении — ищи на квартире. Дело не терпит отлагательств.

— А что сказать-то? — Петька уже натягивал пальто.

— Скажи: «Убийство Морозова — не единичный случай. Идём по следу, но нужна поддержка сверху. Если не можете, пеняйте на себя».

— Понял, — Петька выскочил за дверь, и я услышал, как его сапоги застучали по лестнице вниз.

— Серёжка, — повернулся я к младшему помощнику, — собери всех наших. Толицыных, Владимира, охотников. Скажи, чтобы были наготове. И ещё... съезди на Хитровку, поговори с Хромым. Он должен знать, не появились ли там новые люди. Денег на расходы возьми в сейфе, ключ знаешь где.

— Всё сделаю, Николай Иванович, — Серёжка уже закрывал тетрадь и убирал её в стол. — А вы... вы будьте осторожны. Если они вернулись, то и за вами могут охотиться.

— Знаю, — кивнул я. — Но отсиживаться в конторе, когда убивают людей, не в моих правилах.

Серёжка ушёл. Я остался один. Лампу я погасил — теперь в кабинете светил только уличный фонарь, пробивавшийся сквозь мокрое стекло. Тени стали длиннее, зловещее. Мешок с проросшей картошкой в углу казался теперь притаившимся зверем.

Я подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. На улице, несмотря на дождь, кипела жизнь — извозчики ругались с городовыми, купцы торговались с приказчиками, барышни под зонтиками спешили по своим делам. И никто из них не знал, что в городе снова действует убийца. Что где-то там, в сырой тьме, уже выбирает новую жертву. И что, возможно, эта жертва — один из них.

Мысли вернулись к убитому. Павел Григорьевич Морозов — что я знал о нём? Помимо того, что он был богат и знаменит? Я закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти газетные вырезки, донесения, слухи. Морозов начинал с малого — ситцевая лавка на окраине, потом собственная мануфактура, потом скупка конкурентов, выход на европейский рынок. К пятидесяти годам он стал одним из богатейших людей России. Но его состояние было не только в деньгах — он был известен как меценат, основал несколько школ и больниц, построил храм в своей родной деревне. Его уважали за прямоту и жёсткость, боялись за умение видеть людей насквозь.

И вот этот человек — умный, осторожный, всегда окру-

жённий охраной — погибает в собственном кабинете, в запертой комнате. Дверь изнутри на засове, окна закрыты. Чистое, невозможное убийство. Как в дурном романе.

В дверь постучали — три коротких, два длинных. Условный знак, который использовали только свои.

— Войдите, — сказал я, не оборачиваясь.

Вошел Горелов. Полковник был в штатском — в долгополом пальто и шляпе, с которой стекала вода. Он выглядел уставшим, осунувшимся, под глазами залегли синие тени.

— Ну, здравствуй, Прянишников, — сказал он, снимая пальто и вешая его на вешалку. — Опять ты меня поднял среди ночи.

— Среди ночи? — я усмехнулся, глядя на карманные часы. — Всего десятый час.

— А для меня десятый — уже ночь. Я с шести утра на ногах, — он прошёл к столу, плюхнулся на стул и устало потёр лицо. — Что у тебя стряслось? Петька твой набежал, напугал до полусмерти — кричит, убивают, спасай, царица небесная.

— Морозова убили, — сказал я, поворачиваясь к нему. — Павла Григорьевича. Читал?

— Читал. И не только читал, — Горелов достал из кармана сложенный лист бумаги и положил на стол. — Вот, из Петербурга прислали. Это копия полицейского рапорта. Оригинал, понятное дело, секретный, но мне знакомый тамошний чиновник переслал. Тут есть детали, которых в газетах нет.

Я взял лист, развернул. Почерк канцелярский, казённый, с обязательными «вышеизложенными» и «вследствие установленного». Но главное было в конце.

— «...при осмотре места происшествия обнаружена записная книжка кожаного переплёта, содержащая имена и адреса. Среди прочих — фамилии: Игнатьев, Шувалов, Воронцов-Дашков, Бобринский. Все записи сделаны рукой покойного и датированы последними месяцами. На полях некоторых страниц имеются пометки „шантаж“, „долги“, „концессии“. Материалы переданы в III отделение для дальнейшего расследования. Свидетелей нет. Исполнитель не установлен. Дело подлежит дальнейшему ведению...» — я перевёл дыхание. — Вот оно что. Морозов вёл учёт. Кого-то шантажировали, кому-то угрожали. И он знал.

— Знал и собирался обнародовать, — кивнул Горелов. — Или продать. Или передать императору. Неважно. Важно то, что его убили те, кому это было невыгодно. И, судя по знаку — тем же способом, что и раньше.

— Но это невозможно, — сказал я. — Шереметев в тюрьме, фон Мекк мёртв, Эпштейн тоже. Полковник Зубов, если он жив, не мог организовать такое один. У него должны быть деньги, связи, люди.

— А они и есть, — Горелов вздохнул. — Я навёл справки. У Зубова остались счета в швейцарских банках. Небольшие, но достаточные, чтобы нанять пару-тройку исполнителей. А связи у него в Петербурге, среди тех, кто не попал под арест.

Игнатьев, например. Ты знаешь, что он был близок с Шереметевым?

— Догадывался. Но доказательств нет.

— Доказательств нет, — согласился Горелов. — Но есть косвенные улики. Например, за месяц до убийства Морозов был на приёме у Игнатьева. После этого он и начал получать угрозы.

Я задумался. Если Игнатьев замешан, то это уже не просто банда — это государственный заговор. Императорский советник, статс-секретарь, человек, приближённый к трону, заказывает убийства. Скандал, который уничтожит не только его, но и многих других.

— Что будем делать? — спросил Горелов.

— Искать, — ответил я. — Искать любую связь, любую ниточку. Если Зубов в Москве или Петербурге, мы его найдём. А если Игнатьев его покрывает — выйдем на графа.

— А если они нас опередят?

— Не опередят, — я сжал кулаки. — Потому что теперь мы знаем, куда смотреть. И потому что за нами правда, а за ними — только страх и деньги. А правда, как известно, сильнее.

Горелов посмотрел на меня долгим взглядом, потом усмехнулся:

— Ты не изменился, Прянишников. Всё такой же упрямый идеалист.

— А ты всё такой же циник, — ответил я. — Но вместе

мы работаем неплохо.

— Неплохо, — согласился он. — Ладно. Завтра утром еду в Петербург. Поговорю с тамошними, подниму архивы. Ты здесь — собирай информацию, ищи Зубова. Держи меня в курсе.

Он встал, надел пальто, поправил шляпу.

— И ещё, Прянишников, — сказал он уже в дверях. — Будь осторожен. Если они убили Морозова, то убьют и тебя. У тебя врагов не меньше, чем у него.

— Знаю, — кивнул я. — И это меня не останавливает.

Горелов ушёл. Дождь за окном усилился, забарабанил по карнизу, застучал по подоконнику. Я подошёл к столу, зажёл лампу, достал чистый лист бумаги и начал составлять план.

Времени было в обрез. Император, узнав об убийстве Морозова, потребует результатов. Скорее всего, через неделю-другую из Петербурга придёт предписание — раскрыть преступление любой ценой. И если мы не раскроем, то начнутся оргвыводы. Горелова снимут, меня лишат чина и наград, Петьку с Серёжкой вышвырнут на улицу. А преступники, которых мы так долго ловили, снова поднимут голову.

Этого нельзя было допустить.

Я писал план до полуночи, пока свеча не догорела до самого огарка. Набросал основные пункты: что нужно сделать, кого привлечь, где искать. Потом перечитал, подправил и убрал в сейф.

Напоследок подошёл к окну. Дождь кончился, тучи разо-

шлись, и в просвете между ними замерцали редкие звёзды. Москва спала, укрытая мокрым снегом — начало ноября, погода в этом году стояла странная, ни зима, ни осень. И в этой тишине, в этой предрассветной дремоте мне чудилось нечто зловещее. Точно город затаил дыхание перед чем-то страшным.

— Ничего, — сказал я сам себе. — Справимся. Не таких раскапывали.

Погасил лампу и лёг на продавленный диван, который служил мне постелью уже много лет. Спать не хотелось, но я знал, что завтра будет трудный день. Нужно было набраться сил.

Сквозь дремоту я слышал, как внизу, на улице, залаяла собака, потом стихла. Как ветер завыл в печной трубе, жалуясь на что-то. И как где-то далеко, на вокзале, прогудел паровоз — голос уходящей ночи.

А в полусне мне привиделся Громов. Он стоял в тумане, в своём старом сыщицком пальто, и смотрел на меня с той привычной полуулыбкой, от которой у меня всегда холодело под ложечкой.

— Смотри, Коля, — сказал он, — не на слова — на глаза. Преступник всегда оставляет след. Даже если кажется, что его нет.

Я хотел ответить, но туман рассеялся, и Громов исчез, оставив после себя только тоску и смутное предчувствие.

Я проснулся в холодном поту. Часы показывали половину

шестого. За окном светало, и в этом бледном, больном свете я увидел, как Петька и Серёжка, вернувшиеся неизвестно когда, спят, устроившись на стульях. Мешок с проросшей картошкой в углу казался теперь не зверем, а просто мешком.

— Вставайте, орлы, — сказал я, растирая лицо. — День начинается. Работы — по горло.

Они завозились, забормотали спросонья. А я уже натягивал сапоги, накидывал сюртук, проверял револьвер.

Первый день новой охоты начался. И я знал — эта охота будет самой опасной в моей жизни.

Глава 2. Смерть среди атласа и шёлка.

Имя Морозова гремело по всей России, как колокольный звон на Пасху. Но звон этот был не радостным, а тревожным — слишком много тёмных слухов вилось вокруг этой фамилии в последние годы. Павел Григорьевич Морозов, владелец текстильных мануфактур, потомственный почётный гражданин, коммерции советник, кавалер орденов Святого Станислава и Святой Анны, член Государственного совета, благотворитель, меценат — титулов и званий было столько, что ими можно было оклеить всю гостиную его особняка на Адмиралтейской набережной. Но за всем этим золотым блеском скрывалась жизнь, полная трагедий, скандалов и невыносимого одиночества.

Я знал о Морозове больше, чем писали в газетах. За годы службы в сыскной полиции, а потом в частном сыске, ко мне стекались слухи о самых разных людях — от мелких ворюшек до столпов империи. И о Павле Григорьевиче ходило много разного. Говорили, что он был жесток с рабочими, что его мануфактуры прославились не только качеством тканей, но и штрафами, которые съедали до половины заработка. Говорили, что он не раз подкупал инспекторов, чтобы те закрывали глаза на антисанитарию в казармах и детский

труд. Говорили, что его первый брак закончился скандалом — молодая жена сбежала от него через год после свадьбы, прихватив с собой немалую часть приданого и оставив мужу записку: «Жить с чудовищем не могу».

Но это были только слухи. А факты, которые я добывал, были куда страшнее.

Я приказал Петьке и Серёжке собирать досье на Морозова — всё, что можно найти в архивах, в газетах, в полицейских сводках. И то, что они принесли через три дня, заставило меня по-новому взглянуть на этого человека.

Семья Морозовых была старой, купеческой, с корнями, уходящими в восемнадцатый век. Ещё прадед Павла Григорьевича, крепостной крестьянин, сумел выкупиться на волю и начать торговлю холстом. Дед расширил дело, построил первую фабрику. Отец, Григорий Павлович, женился на дочери английского негоданта и привёз в Россию новые технологии — паровые машины, механические ткацкие станки. Именно при нём мануфактуры Морозовых стали одними из крупнейших в империи.

Но Григорий Павлович был не только удачливым промышленником, но и человеком тяжёлого нрава. Он отличался жестокостью, мстительностью, а в конце жизни впал в религиозное безумие — раздал миллионы монастырям, ходил в рубище, спал на голых досках. Умер в страшных мучениях — говорят, его заживо сожрали рак, и он умер в страшных муках, проклиная всех своих родных и раздав состояние по

церквям и монастырям.

Павел Григорьевич унаследовал от отца не только предприятія, но и тяжёлый характер. Он был умён, расчётлив, хладнокровен. Конкуренты боялись его, как огня — он разорял их безжалостно, скупал по дешёвке, выбрасывал на улицу. Рабочие ненавидели его, но терпели — платил он, хоть и скуп, но всё же больше других. Аристократы презирали его за «купеческое происхождение», но заискивали — у него были деньги, и большие.

Первая жена, Наталья Ивановна, урождённая Кудрявцева, была дочерью обедневшего дворянина, которого Морозов выкупил из долговой ямы. Брак был не по любви, а по расчёту — Кудрявцев имел связи при дворе, а Морозов имел деньги. Но расчёт оказался плохим. Наталья Ивановна, молодая, красивая, воспитанная на романах, быстро возненавидела мужа — за его грубость, за его ревность, за его привычку решать всё деньгами. Через год она ушла, причём ушла громко, скандально — разбила столовый сервиз, изорвала его подарки и уехала в Петербург с молодым гусаром, оставив мужу записку, которую он в ярости изорвал в клочья. Развод был скандальным, Морозов платил огромные отступные, но Наталья Ивановна так и не вернулась.

Вторая жена, Елизавета Андреевна, была из купеческого рода Третьяковых — дальняя родственница знаменитых меценатов. Её выбрали не за красоту (она была дурна собой, с тяжёлым подбородком и маленькими, заплывшими глаз-

ками), а за умение вести дела. Елизавета Андреевна оказалась той ещё штучкой — она не просто вела домашнее хозяйство, она вмешивалась в управление фабриками, спорила с директорами, подписывала контракты. Морозов сначала злился, но потом привык — она была полезна, она умела считать деньги лучше любого бухгалтера.

Но и этот брак не принёс ему счастья. Елизавета Андреевна родила ему двух сыновей — Сергея и Григория. Сергей вырос скромным, болезненным, мечтал о музыке и живописи, но отец заставлял его заниматься фабриками. Григорий, наоборот, был буйным, любил кутежи, охоту и женщин. Оба ненавидели отца — молча, скрытно, но ненавидели.

Я нашёл в досье несколько писем, которые Сергей Павлович писал матери (она умерла несколько лет назад от чахотки, и письма попали в архив случайно, через доверенное лицо). В них было столько боли, столько отчаяния, что у меня сжималось сердце. «Отец не понимает меня, — писал Сергей. — Для него я лишь мальчик на побегушках, лишь придаток к его проклятым фабрикам. Он не знает, что я пишу картины, что я мечтаю о консерватории. Если бы мама были живы, она бы защитила меня. А теперь... теперь я чувствую, что гнию заживо».

Григорий писал короче, злее: «Старик совсем свихнулся. Он хочет, чтобы я бросил гусары и сел счетами заниматься. Но я лучше утоплюсь, чем буду сидеть в этих тоскливых конторах. Пусть Серёжка пашет, ему всё равно делать нечего. А

я хочу жить, чёрт возьми!»

Морозов-старший, кажется, догадывался о чувствах сыновей, но не придавал этому значения. Он жил своей жизнью — фабриками, подрядами, сделками. Он ночевал в кабинете, спал по четыре часа в сутки, ел на ходу. Врачи заставляли его пить и курить, но он не слушал — пил коньяк вечерами, курил сигары непрерывно. К пятидесяти годам он превратился в больного, измученного человека, с серым лицом и трясущимися руками.

Но внешне он всё ещё держался. Ходил прямо, говорил громко, смотрел в упор. Никто не должен был знать, что внутри него гниёт болезнь, разъедающая тело и душу.

И вот теперь его убили.

Несколько дней после того, как стало известно об убийстве, газеты захлебывались сенсациями. «Московский вестник» печатал всё, что мог собрать, и Рыков, вспомнив нашу встречу, звонил мне каждое утро.

— Николай Иванович, — говорил он хриплым от возбуждения голосом, — у нас есть новые сведения. Говорят, что Морозов перед смертью хотел разоблачить крупных сановников. У него были доказательства их причастности к хищениям в военном ведомстве. Представляете, какой скандал?

— Представляю, — отвечал я, листая газету. — Вы пишите, но осторожнее. Не называйте имён, иначе вас закроют.

— Знаю, знаю, — он вздыхал. — Но как же хочется всё рассказать! Истина должна быть известна народу!

Я усмеялся про себя. Истина... Её так трудно отличить от лжи, особенно когда на кону стоят деньги и власть.

Особняк Морозова на Адмиралтейской набережной был огромным, мрачным зданием в стиле эклектики — с колоннами, лепниной, башенками. Внутри царила тяжёлая, гнетущая роскошь: мраморные лестницы, бронзовые люстры, картины в золочёных рамах, ковры, в которых утопала нога. Но всё это казалось неживым, музейным — словно хозяин не жил здесь, а лишь ночевал, как в гостинице.

Тело Морозова нашли утром. Дворецкий, старый Филипп, служивший у Морозовых тридцать лет, рассказывал на допросе, что обычно Павел Григорьевич вставал в семь утра, завтракал у себя в кабинете, а в восемь уже ехал на фабрику. Но в то утро он не вышел. Филипп постучал, никто не ответил. Дверь была заперта изнутри, на старинный деревянный засов. Попросили ключи, открыли — он сидел за столом, в кресле, голова откинута назад, глаза открыты. На первый взгляд казалось, что он жив, просто задумался. Но когда дворецкий подошёл ближе, увидел маленькую ранку на шее, у затылка. Крови почти не было. Только тонкая ниточка, свернувшаяся в чёрную полосу.

На столе, рядом с рукой, лежал тот самый клочок бумаги со знаком трёх колец.

Наследники — сыновья Сергей и Григорий — приехали на следующий день. Сергей был бледен, молчалив, только моргал часто-часто, как от удара. Григорий, наоборот, казал-

ся почти весёлым — ходил по кабинету, поглядывал на вещи, трогал бумаги.

— Хорошо умер, — бросил он небрежно в разговоре с адвокатом. — Быстро, без мучений. Я бы тоже так хотел.

Сергей покосился на брата с укором, но ничего не сказал. Следователи, осматривавшие кабинет, обратили внимание на множество странностей. Во-первых, засов был задвинут изнутри, но следов того, что кто-то выходил через окно или потайную дверь, не было. Во-вторых, на ковре не оказалось никаких отпечатков, кроме тех, что принадлежали самому Морозову. В-третьих, и самое главное, в сейфе, который всегда был заперт и ключ, от которого хозяин носил с собой, не хватало нескольких папок с документами. По описи, которую вела контора Морозова, там должны были лежать счета, договоры, векселя, а также та самая записная книжка, которая потом всплыла у полиции. Но сейф был пуст. Или почти пуст — на дне валялось несколько старых закладных и расписка на сумму в пятьдесят тысяч рублей, подписанная неким графом Игнатьевым.

Это был ключевой момент. Расписка Игнатьева — человека, приближённого к императору, статс-секретаря, члена Государственного совета. Что за расписка? Долг? Взятка? Шантаж?

Я приехал в Петербург на третий день после убийства, по приглашению Горелова, который уже работал там. Полковник встретил меня на вокзале и по дороге в гостиницу рас-

сказывал последние новости.

— Игнатьев вызывает подозрение, — говорил он, глядя в окно кареты. — Но его нельзя трогать без железных доказательств. Слишком высокая птица.

— А что с Зубовым? Есть следы?

— Почти. Наш человек видел его в Москве, у Хитровки, за неделю до убийства. Там же, где он обычно вербовал людей. Значит, он либо сам убивал, либо нанимал исполнителя. В любом случае, ниточка есть.

— А Морозов? Что за человек? Расскажите подробнее.

Горелов задумался, потом достал из портфеля толстую папку:

— Читайте. Я собрал всё, что нашёл. Там есть и про семью, и про дела, и про врагов. Думаю, вам это будет полезно.

Я углубился в чтение и не поднимал головы, пока карета не остановилась у гостиницы.

То, что я узнал о Морозове, поражало своей чудовищностью.

Павел Григорьевич был не просто промышленником — он был одним из тех, кто вершил судьбы России из-за кулис. Его деньги финансировали газеты, его лоббисты проталкивали выгодные законы, его люди сидели в министерствах и управлениях. Он дружил с великими князьями, вхож был в самые аристократические салоны, его приглашали на охоту к императору. Но при этом он оставался чужаком — вечно «этот купчишка», «выходец из мужиков», «толстосум». И

это бесило его больше всего.

Он мечтал о дворянстве. Настоящем, столбовом, с гербом и родовым древом. Он готов был отдать миллионы, лишь бы его имя вписали в Бархатную книгу. Он строил усадьбы, собирал картины, давал балы. Но аристократия не принимала его. Принимала его деньги, да — но не его самого.

И он затаил злобу. Тихую, страшную, всепоглощающую. Он начал собирать компромат на тех, кто его унижал. Тайно, через подставных лиц, через шантаж, через подкуп прислуги. Он знал, кто с кем спит, кто кому должен, кто что украл из казны. У него были досье на каждого заметного человека в империи — от министров до фрейлин императрицы.

Игнатьев был одним из тех, кто сидел у него на крючке. Граф задолжал Морозову огромную сумму — проигрался в карты, а расписку дал, чтобы не поднимать шума. Но долг рос, проценты капали, и Игнатьев понимал, что, если эта расписка попадёт к императору, его карьера кончена, а имя будет опозорено. Он попытался договориться, предлагал отступные, но Морозов был непреклонен. Он хотел не денег, он хотел власти. Чтобы Игнатьев провёл закон о присвоении ему дворянства. Чтобы помог получить орден. Чтобы замолвил словечко при дворе.

Игнатьев вынужден был согласиться. Но зрела в нём ненависть, и Морозов знал это, но не боялся. Он чувствовал себя неуязвимым.

Ошибка, стоившая ему жизни.

Вдова, Елизавета Андреевна, после убийства мужа уехала в своё подмосковное имение и никого не принимала. Но Серёжка, который имел талант к разговорам, сумел через её горничную разузнать некоторые подробности.

— Она его не любила, — рассказывал Серёжка, вернувшись в Москву. — Боялась, ненавидела, но не любила. Говорят, он был с ней жесток — иногда избивал, когда напивался. Запирал в комнате на сутки, не выпускал. И она ждала его смерти.

— Ждала? — переспросил я.

— И молилась, — добавил Серёжка. — Горничная слышала, как она плакала в своей спальне и молила Бога о смерти мужа. И вот дождалась.

— Но сама она не могла убить?

— Нет. Она даже из дома не выходила последние месяцы. Болела, слабела. Да и любовника, говорят, завела — молодого художника, который писал её портрет. Но он тоже приезжал в имение, а не она к нему.

Любовник — это была новая деталь. Я приказал найти этого художника, но, когда его нашли, оказалось, что он в день убийства был в Москве и даже ночевал у приятеля. Алиби железное.

Сыновья? У них тоже было алиби. Сергей, как всегда, сидел на фабрике в Москве. Григорий — кутил в ресторане «Яр» в обществе известных купцов и актрис. Оба были на виду, оба имели свидетелей.

Оставался только Игнатьев и его связи с полковником Зубовым. Или кто-то третий, о ком мы не знали.

Газеты между тем не унимались. Писали, что Морозов был участником заговора, что он хотел свергнуть императора, что его убили свои же сообщники. Писали, что он был шпионом, что передавал секретные документы немцам. Писали, что он убил свою первую жену и закопал тело в парке. Чем нелепее была версия, тем больше она нравилась публике.

Рыков в «Московском вестнике» старался держаться фактов, но и у него проскальзывали иногда эмоциональные выпады. Я позвонил ему и попросил быть поосторожнее.

— Вы думаете, что убийца читает газеты? — спросил он.

— Уверен, — ответил я. — И, возможно, он напечатает вам ответ. В виде пули.

Рыков примолк. Больше он меня не беспокоил.

А в Петербурге между тем назревал скандал. Император, узнав о расписке Игнатьева, пришёл в ярость. Он вызвал графа к себе и устроил ему публичную выволочку. Говорят, их крики были слышны даже в приёмной. Игнатьев оправдывался, клялся, что это подделка, что Морозов его шантажировал, что он невиновен. Но император был непреклонен: Игнатьев отстранён от всех должностей и отправлен в ссылку в своё имение под надзор полиции.

Это было серьёзным ударом по заговорщикам. Но главный, Зубов, оставался на свободе.

Я сидел в номере гостиницы, просматривал бумаги, и в голове постепенно складывалась картина. Морозов шантажировал Игнатьева и других сановников, собираясь выторговать для себя дворянство и власть. Заговорщики, в страхе разоблачения, наняли Зубова, чтобы убить Морозова. Тот, как профессионал высокого класса, организовал убийство, использовал для этого или своих людей, или исполнителя, которого затем убрал. Знак трёх колец — предупреждение, что все, кто знает секрет, будут уничтожены. А может быть, знак того, что заказчики вернулись к власти.

Но кто же тогда убийца? И где он сейчас?

Дождь за окном моросил, как в Москве. Я смотрел на капли, стекающие по стеклу, и думал о том, что Морозов, несмотря на все свои тёмные дела, был человеком. Человеком, который страдал, ненавидел, боялся. И который погиб, потому что переоценил свои силы.

— Умрёшь ты не своей смертью, — сказал я, глядя на фотографию Морозова, приколотую к бумагам. — Но я найду того, кто тебя убил. Хотя бы потому, что он убивает других. А других можно спасти.

В дверь постучали. Вошёл Горелов, бледный, с красными от недосыпа глазами.

— Новость, Прянишников. Нашли свидетеля. Один из дворников видел вечером перед убийством подозрительного человека у дома Морозова. Описал приметы. Похож на Зубова.

— И где он?

— Ушёл. Но мы знаем, в каком направлении. Карета, на которой он уехал, была арендована у одного извозчика. Тот запомнил, куда она поехала — на Варшавский вокзал. А там след теряется.

— Значит, в Москву, — сказал я. — Или в Варшаву. Или вообще за границу.

— Может быть. Но теперь у нас есть хоть что-то. Описание, маршрут, приметы. Надо искать дальше.

Я встал, надел пальто:

— Едем в Москву. Здесь делать больше нечего. А там будем охотиться.

Глава 3. Ловушка для призраков.

Обратный путь из Петербурга в Москву выдался на редкость мерзким. Ноябрьское небо низко нависало над промёрзшей землёй, сыпало мелкой ледяной крупой, которая превращалась в кашу под колёсами поезда. Вагон третьего класса, в котором я ехал, чтобы не привлекать внимания, был набит до отказа — мастера, солдатики с детьми, мелкие торговцы, какой-то монах с огромным котом в мешке (кот орал всю дорогу, требуя свободы и, судя по голосу, вполне осознанно), и две купчихи, которые непрерывно обсуждали, кто кому должен и кто с кем живёт непотребно.

Я сидел в углу, прижав к себе портфель с бумагами, и пытался уснуть под перестук колёс. Не получалось. Мысли о Морозове, об Игнатьеве, о Зубове и о проклятом знаке трёх колец не давали покоя. К тому же купчихи, перекрывая гул поезда, завели спор о том, какой салат лучше подавать на поминках — оливье или винегрет, и перешли к обсуждению достоинств купца Парамонова, который «хоть и старый, но с деньгами, а баба должна терпеть, если муж кормилец».

— Женщина! — не выдержал я наконец. — Вы бы потише! Люди отдыхают!

— А вы кто такой будете, чтобы нам указывать? — накинулась на меня одна из них, дородная, в платке с огромными розами. — Может, вы сам Парамонов, чтобы нас унимать?

— Я не Парамонов, — вздохнул я. — Я усталый человек, который хочет спать.

— А мы усталые не хотим? — вступилась вторая, помоложе, с хитрыми глазами. — Мы из самой Рязани едем, три часа в очереди стояли, а вы нас спать заставляете! Вот ещё. Нашёлся барин!

Монах с котом хихикнул в бороду. Солдатки заулыбались. Я понял, что спорить бесполезно, и примирительно махнул рукой:

— Хоть не о мужчинах, ради бога.

Купчихи переглянулись, пожали плечами и с новым усердием принялись обсуждать купца Парамонова, переключившись на его привычку храпеть во сне и давить петухов по ночам. Я закрыл глаза и погрузился в полусон.

В Москву прибыли на рассвете. Город встретил меня привычным запахом дыма, лошадиного навоза и мокрой мостовой. На вокзале я нанял извозчика — старого, с лошадьёю, которая, казалось, помнила ещё нашествие Наполеона. Извозчик, которого звали Епифан (редкое имя, я потом запомнил его на всякий случай), оказался редкостным болтуном. Дорогу от вокзала до Тверской, которая обычно занимала полчаса, он растянул на час, рассказывая всё, что знал об убийстве Морозова, о заговорах, о «жидах-масонах» и о том, что «скоро конец света, потому как стали лошади нынче не те, выродились».

— Вы вот смеётесь, барин, — говорил он, трясясь на об-

лучке, — а я вам серьёзно говорю: раньше лошадь — это была лошадь! Могла без передыха сорок вёрст отмахать и не вспотеть. А теперь? Теперь поглядите на мою Зорьку: заморённая, хромая, траву ест, а толку нет. Всё потому, что корма нынче не те, и воздух не тот, и народ не тот.

— А народ, Епифан, всегда тот, — ответил я, чтобы поддержать разговор. — И воздух тот же. Просто лошади стареют, как и люди.

— А вы вот всё шутите, барин, — обиделся он. — А я, между прочим, правду говорю. Моему куму на той неделе вещий сон приснился: будто ангелы с неба на землю спускаются и всех неправедных в геенну волокут. А кто неправедные? А те, кто войны затевают, кто хлебом спекулирует, кто детей трудовым мученьем убивает. Вот такие, барин, как фабриканты эти, — Морозовы там, Коноваловы, Прохоровы. Вот их и волокут в геенну.

— Морозова уже уволокли, — заметил я. — Без ангелов.

— А вот и нет, — таинственно понизил голос Епифан. — Морозова не ангелы волокли, а свои же, из ихнего круга. Слыхал я, что у него там долги и всё такое. А с долгами, барин, шутки плохи. Мне вот тоже один заёмщик должен...

Дальше я слушал уже вполуха. Извозчик переключился на свои финансовые проблемы, которых было много и которые излагались красочно. Я смотрел на знакомые улицы, на просыпающуюся Москву и думал о том, как непросто жить людям. И тем, кто наверху, и тем, кто внизу. Всем трудно.

Только одни не спят от жадности, а другие — от голода.

Контора моя на Тверской выглядела так, будто по ней прошёл небольшой ураган. Петька и Серёжка, оставшиеся без присмотра, устроили тут, как выяснилось, ночной «совещательный» штаб с чаем, сушками и, кажется, даже с какими-то картами — я нашёл на столе развёрнутую карту Москвы с воткнутыми в неё булавками. Карта была вся в пятнах — следы от кружек, плевки (наверное, отбирали зубочисткой), и даже одно масляное пятно, которое имело форму неправильного треугольника.

— Николай Иванович! — Петька выскочил из-за стола, сияющий, как медный пятак. — А мы тут план разработали! Гениальный!

— Показывай, — вздохнул я, раздеваясь и вешая пальто на гвоздь.

— Вот! — он ткнул пальцем в карту. — Мы подумали: если Зубов в Москве, он где-то прячется. Но где? На Хитровке его нет, я всё проверил. У своих людей — тоже. Может, он у кого из бывших сослуживцев? Или снял квартиру под чужим именем?

— И как вы предлагаете его искать? «Обыскать все квартиры Москвы?» — спросил я, садясь в кресло.

— А вот так, — Серёжка подошёл и ткнул в карту. — Мы считаем, что он должен быть где-то здесь. В районе Пречистенки. Дом Долгорукова, который выходили шпионы, — вот он. Там сейчас пустует флигель. Мы думаем, он там.

— Почему именно там?

— Потому что, — Петька замялся, — потому что мы вчера вечером ходили туда смотреть. И видели свет в окне. В третьем этаже, в угловой комнате. Причём свет зажигался и гас — будто кто-то читал или сигналил.

— А вы постучали?

— Нет, мы не дураки. А вдруг там сам Зубов с револьвером? Мы тихо ушли и решили доложить вам.

Я задумался. Флигель дома Долгорукова — место, известное мне ещё по прошлым делам. Там действительно можно было спрятаться, не привлекая внимания: глухая часть улицы, старые деревья, мало прохожих. Если Зубов там, то у нас появляется шанс.

— Хорошо, — сказал я. — Сегодня ночью проверим. Но сначала — план. Нам нужно заманить его в ловушку.

— А как? — спросил Серёжка.

— Через газеты. Пустим утку, что некий тайный советник готов встретиться с представителями «Кольца» для обсуждения условий.

— С представителями «Кольца»? — Петька вытаращил глаза. — А кто этот тайный советник?

— Я, — сказал я. — Под чужим именем, конечно.

— А если они не поведутся?

— Поведутся, — уверенно сказал я. — Потому что они сейчас в отчаянном положении. Денег нет, людей нет, покровители в тюрьмах. Им нужен союзник, который может дать

деньги или власть. А тайный советник — это как раз то, что нужно.

Мы разработали план до мельчайших подробностей. Рыкова я предупредил через записку, и на следующий день в «Московском вестнике» появилось небольшое объявление. «Некий Н.Н., тайный советник, ищет деловых партнеров для крупного проекта. Интересантов просят оставить письмо в конторе редакции до востребования».

Адрес был указан — старая редакция на Трубной площади, которую я использовал как почтовый ящик. Назначили место встречи — старый особняк Долгорукова на Пречистенке, который давно стоял пустым. Владелец, некто граф Шереметев (покойный уже, царство ему небесное), давно не появлялся, и дом числился в судебном порядке как выморочное имущество. Никто не помешал бы нам провести там встречу.

Но ответа не было. День, второй, третий. Мы сидели в засаде в особняке, кутаясь в шинели, пили холодный чай из термосов (Петька забыл горячий, пришлось греть на спиртовке, чуть не спалив портьеру), и ждали. Ждали, когда появится курьер или сам Зубов. Никто не приходил.

— Может, они не клюнули? — спросил Серёжка, зевая в кулак. Прошла уже неделя, а мы всё так же сидели в засаде.

— Клонут, — упрямо отвечал я, хотя сомнения уже грызли меня изнутри. — Им деваться некуда.

Вторая неделя тоже прошла впустую. За это время уби-

ли ещё двух банкиров и одного высокопоставленного чиновника — некоего тайного советника Путилова, который ведал казёнными подрядами. Убит тем же способом, на шее — знак трёх колец. Петербург был в панике. Газеты писали о «призраке» убийцы, которого не могут поймать, о «проклятии трёх колец», о том, что это месть масонов или инопланетян — кто во что горазд.

Император вызвал Горелова в Петербург. Полковник вернулся бледный, с красными глазами и трясущимися руками.

— Месяц, — сказал он, плюхаясь на стул. — И нас с вами, Прянишников, в том числе. Государь недоволен. Очень недоволен.

— Что он предлагает? — спросил я, хотя ответ уже знал.

— Он предлагает найти убийцу любой ценой. Даже если придётся нарушить закон, даже если придётся подставить невиновных — только бы успокоить публику и показать результат. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю. Это значит, что мы можем арестовать любого, кто хоть как-то подходит под описание, и объявить его убийцей.

— Да, — Горелов вздохнул. — И это ужасно. Но если мы не найдём настоящего преступника в течение месяца, нас снимут, пришлют других, и они сделают именно так. А настоящий убийца будет гулять на свободе.

— Не гулять, — сказал я. — Мы его найдём. У нас есть план.

— Тот же самый, с ловушкой? Он не работает.

— Значит, будем менять тактику. У нас есть улики — например, тот самый клочок бумаги со знаком. Надо выяснить, где печатали эту машинку. Машинки — штука редкая, каждая уникальна. Через типографии можно выйти на владельца.

— Мы уже искали, — сказал Горелов устало. — Ничего.

— А вы искали не там. Надо искать у частных лиц, у коллекционеров. Машинки эти — заграничные, дорогие. В Москве и Петербурге их, может быть, сотня на весь город. Устроим проверку всех, у кого есть такие.

— Это займёт месяцы!

— А у нас месяц, — сказал я. — Уложимся.

Мы разделили город на районы. Петька взял себе Хитровку и окраины, Серёжка — Замоскворечье и Пресню, Горелов — центр и чиновничьи кварталы. Я взял на себя Тверскую и Арбат — самые фешенебельные районы, где жили те, кто мог позволить себе импортную машинку.

Работали по шестнадцать часов в сутки. Обедали на ходу — бутербродами, которые приносила всё та же вдова квартального надзирателя, влюблённая в Петьку. Ужинали за полночь, собираясь в конторе и обсуждая результаты.

Первые дни не дали ничего. Владельцы машинок — в основном адвокаты, журналисты, писатели, чиновники — смотрели на нас с подозрением, но пускали в дом. Машинки мы осматривали, делали оттиски, потом сверяли с отпечат-

ком на клочке. Ничего не совпадало.

На десятый день Петька принёс новость:

— Есть! Нашёл одного! В Замоскворечье, у купца Ефремова. Он держит тайную типографию, где печатает порнографические картинки. Но машинка у него есть, иностранная, и оттиск похож!

— Ефремов? — переспросил я. — Это который разбогател на хлебной торговле?

— Он самый, — кивнул Серёжка. — Говорят, он не только хлебом торгует, но и чем-то ещё. Тёмный человек.

Мы поехали к Ефремову. Купец жил в большом доме с колоннами, окружённом садом. Встретил нас холодно, но вежливо — видимо, чувствовал, что от разговора не отвертеться.

— Что вам нужно, господа? — спросил он, оглядывая нас с ног до головы. — Я человек законопослушный.

— Мы ищем владельца пишущей машинки, — сказал я, показывая клочок бумаги. — У вас такая есть?

— Есть, — помедлив, ответил Ефремов. — Но я её не использую. Лежит без дела.

— Можно посмотреть?

Купец провёл нас в кабинет. Машинка стояла на столе, прикрытая бархатной салфеткой. Я снял салфетку, осмотрел, сделал оттиск. Сравнил с оригиналом. Похоже, но не точно — буква «а» была чуть шире, а запятая стояла выше.

— Это не та машинка, — сказал я. — У вас есть ещё?

— Нет, — ответил Ефремов, но голос его дрогнул.

— Врёте, — сказал Горелов, который стоял в дверях и уже всё понял. — В вашей тайной типографии мы нашли ещё две. И одна из них подходит.

Ефремов побледнел, побелел как мел.

— Это не я, — забормотал он. — Я не убивал. Машинка была украдена месяц назад. Я не знал, кто её взял.

— Кто украл? — спросил я.

— Не знаю. Человек приходил, нанимался в работники, а потом исчез. И машинка исчезла. Я думал, он уволок, но полицию не позвал — потому что типография тайная, боюсь огласки.

— Опишите этого человека.

Ефремов описал. Рост средний, плотный, с военной выправкой, глаза холодные, на руке — татуировка трёх колец.

— Зубов, — выдохнул Горелов. — Он был здесь.

— Где он сейчас? — спросил я.

— Не знаю, — Ефремов трясся. — Он исчез. Я его не видел.

Мы обыскали весь дом, но Зубова не нашли. Зато нашли его вещи — смену белья, паспорт на чужое имя, деньги, револьвер. И главное — несколько писем, адресованных некому «А.И.», и подписанных «ваш верный слуга, полковник».

— А.И. — это, скорее всего, Александр Игнатьев, — сказал Горелов, когда мы сидели в конторе и разбирали находки. — Тот самый граф, который был отстранён от должно-

сти.

— Значит, Игнатьев — заказчик, — кивнул я. — А Зубов — исполнитель. И они оба в Москве.

— Или уже уехали, — вздохнул Горелов. — Мы их упустили.

— Не упустили, — сказал я. — Ефремов сказал, что Зубов ушёл только вчера. Значит, он ещё в городе. А раз он в городе, мы его найдём.

— Как?

— По тому же плану. Ловушка. Только теперь мы знаем его приметы и его связи. Мы пустим слух, что у нас есть свидетель, который видел его у дома Морозова. Что этот свидетель готов дать показания. И назовём место — тот же особняк Долгорукова. Зубов придёт, чтобы убрать свидетеля. А вместо свидетеля его будет ждать засада.

— А если он не придёт?

— Придёт, — сказал я. — Потому что он профессионал. А профессионалы не оставляют свидетелей.

Рыков напечатал заметку в «Московском вестнике»: «Появился свидетель убийства Морозова. Он готов дать показания следствию и назвать имена убийц. Встреча с ним состоится в ближайшие дни в одном из особняков на Пречистенке».

Особняк мы подготовили. Расставили людей, замаскировали посты, проинструктировали всех. Сами с Гореловым засели в подвале, откуда был тайный ход в кабинет.

Ночь прошла в напряжении. Никто не пришёл.

Вторая — тоже.

Третью я уже хотел отменять, но Петька, который караулил на чердаке, вдруг засвистел — сигнал тревоги.

— Идёт, — прошептал он в трубку домофона (мы соорудили из банок и верёвок). — Один. В шинели, в шляпе. Держится прямо, как военный.

Мы затаились. Шаги раздались на лестнице, потом в коридоре. Дверь в кабинет скрипнула. Кто-то вошёл, постоял, потом чиркнул спичкой, зажёл свечу.

— Выходи, — сказал голос. Спокойный, даже весёлый. — Я знаю, что ты здесь, Прянишников. Давай поговорим, не будем тратить время на игры в прятки.

Я вышел из подвала. В кабинете, освещённый одной свечой, стоял невысокий плотный мужчина в хорошем пальто, с военной выправкой и холодными глазами. Полковник Зубов собственной персоной. В руке у него был маленький браунинг, но он не целился, а вертел его, как игрушку.

— Вы меня искали, я пришёл, — усмехнулся он. — Чего вам нужно?

— Ваших показаний, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто заказал убийства? Кто платил?

— А вам не страшно? Вдруг я стрельну?

— Не стреляйте, — раздался голос Горелова из темноты. — Вас окружают. Если вы убьёте Прянишникова, вы сами не выйдете отсюда живым.

Зубов оглянулся, пожал плечами:

— Ладно. Сдаюсь. Только обещайте, что меня не повесят. Я дам показания, назову всех, кто заказывал. И вы меня отпустите.

— Это не в моей власти, — сказал я. — Но, если вы можете, суд смягчит приговор. Вместо каторги — ссылка, например.

— Идёт, — кивнул Зубов и положил револьвер на стол. — Берите, я ваш.

Мы скрутили его, обыскали. В карманах нашли письма от Игнатьева, расписки, даже несколько драгоценностей, похищенных у жертв.

— Всё, полковник, — сказал Горелов. — Вы арестованы.

— Знаю, — ответил Зубов. — Честно говоря, я устал. От этой беготни, от постоянного страха. Хочется уже покоя. Хоть в тюрьме.

— В тюрьме покой, говорят, ещё тот, — заметил я. — Но лучше, чем в могиле.

Зубова увезли. А мы сидели в кабинете, выпили по рюмке коньяка, который я припас на всякий случай, и закурили.

— Ну вот, — сказал Горелов. — Исполнитель у нас. Осталось взять заказчика.

— Игнатьева, — кивнул я. — У нас есть его письма, есть показания Зубова. Этого достаточно, чтобы арестовать графа.

— А если он сбежит?

— Не сбежит, — сказал я. — За ним уже следят мои люди. Как только получим ордер — возьмём.

Ордер пришёл через два дня. Мы поехали в имение Игнатьева под Тулой, куда он был сослан после отставки. Граф встретил нас на крыльце, бледный, но спокойный.

— Давно вас ждал, — сказал он. — Знал, что рано или поздно вы придёте.

— Тогда почему не бежали? — спросил я.

— Не от кого бежать, — усмехнулся он. — И некуда. В Европе у меня ни денег, ни связей. В России — всё отобрали. Осталось только доживать свой век здесь, под надзором. А теперь и в тюрьме, наверное.

— На каторге, — поправил я. — За организацию убийств, за шантаж, за измену.

— За измену? — Игнатьев удивлённо поднял бровь. — Но я не изменял.

— Вы изменили не отечеству, а своей совести, — сказал Горелов. — Это хуже.

Игнатьева арестовали, отвезли в Москву, в Таганскую тюрьму. На допросах он сначала молчал, потом, когда ему предъявили письма и показания Зубова, признался. Рассказал всё — как Морозов шантажировал его распиской, как он нанял Зубова, чтобы убрать шантажиста, как потом заказал и других свидетелей, которые могли знать о его долгах.

— Я не хотел, — бормотал он, закрывая лицо руками. — Но он не оставлял мне выбора. Он хотел всё — деньги,

власть, дворянство. Я был у него в руках, и единственный выход — убить.

— Есть и другие выходы, — сказал я. — Пойти к императору, признаться, понести наказание. Но вы выбрали путь убийцы.

— Лёгких путей не бывает, — прошептал Игнатъев.

— Бывают, — ответил я. — Честные пути. Но для этого нужна смелость, которой у вас нет.

Суд состоялся через три месяца. Игнатьева приговорили к пожизненной каторге, Зубова — к смертной казни через повешение. Приговор был приведён в исполнение через месяц.

Морозовы — сыновья Павла Григорьевича — поделили наследство. Сергей, вопреки воле отца, продал свою долю брату и уехал в Италию, заниматься живописью. Григорий, став единоличным владельцем, быстро спустил состояние на кутежи и охоту, разорил фабрики и в конце концов застрелился в возрасте сорока двух лет.

Елизавета Андреевна, вдова, дожила до семидесяти, умерла в своём имении в окружении кошек и воспоминаний.

А я сидел в своей конторе, пил чай и смотрел на проросшую картошку в углу. Петька и Серёжка возились с бумагами, обсуждая новое дело — у одной купчихи пропали бриллианты, и она готова была заплатить сто рублей за их нахождение.

— Сто рублей, — мечтательно сказал Петька. — Это же неделя хорошего житья!

— Или месяц плохого, — усмехнулся я. — Ладно, берём. Только сначала чаю допьём.

За окном моросил дождь. Тот самый, бесконечный московский дождь, под который я привык думать. И в этом дожде мне слышалась теперь не тоска, а тихая, уютная мелодия. Мелодия дома, где можно отдохнуть от всех этих убийств, заговоров и бесконечной погони за правдой.

— Николай Иванович, — спросил Серёжка, — а как вы думаете, есть ли на свете справедливость?

— Есть, — ответил я. — Но её нужно заслужить. Очень трудно заслужить. И очень трудно сохранить. Но без неё жить нельзя. Иначе всё это — я обвёл рукой контору, карту на стене, мешок с картошкой, — всё это теряет смысл.

Серёжка задумался, потом кивнул:

— Пожалуй, вы правы. Справедливость — это как картошка. Её нужно сажать, поливать, ждать, пока вырастет. А без этого — только сорняки.

— Умный ты стал, — похвалил я. — Из тебя хороший сыщик выйдет.

— А из меня? — спросил Петька.

— А ты будешь моим правым глазом, — улыбнулся я. — И левым тоже. Потому что два глаза лучше, чем один.

Мы засмеялись. Дождь за окном стих, и в небе показался краешек солнца. Московское, бледное, но всё же солнце. И оно грело.

А впереди было новое дело, новые заботы, новые преступ-

ления. Но это уже совсем другая история.

Глава 4. Бриллианты купчихи Блохиной.

Дождь за окном конторы к вечеру превратился в мелкую, противную морось, которая, казалось, проникала сквозь стены и оседала на душе липкой тоской. Я сидел в своём продавленном кресле, перебирал старые дела и думал о том, что жизнь, слава богу, наконец-то входит в привычную колею. Никаких заговоров, никаких убийств, никаких тайных обществ с их проклятыми кольцами. Только мелкие кражи, неверные мужья да пропавшие собаки. Идиллия, да и только.

— Николай Иваныч, — Петька оторвался от газеты, которую он изучал с видом заправского критика, — а вы знаете, что купчиха Блохина свои бриллианты потеряла?

— Блохина? — переспросил я, откладывая папку. — Это которая торгует галантереей на Кузнецком?

— Она самая, — подтвердил Серёжка, отрываясь от своих записей. — Вся Москва уже три дня только об этом и говорит. Бриллианты, говорят, на двести тысяч! И она обещает сто рублей тому, кто их найдёт.

— Двести тысяч — бриллианты, а награда — сто рублей? — я усмехнулся. — Щедрость купеческая, ничего не скажешь.

— Так ведь не в деньгах счастье, — философски заме-

тил Петька. — А в том, чтобы дело раскрыть. Вы же любите сложные задачки, Николай Иванович.

— Люблю, — вздохнул я. — Только задачки бывают разные. Одно дело — убийство, другое — пропавшие побрякушки. Но если купчиха готова платить, почему бы и нет? Деньги, сами знаете, не пахнут.

Я взял лист бумаги, набросал план действий и отправил Петьку с Серёжкой на разведку. Пусть узнают, что да как, кто видел, кто подозревает, какие у купчихи отношения с мужем, с любовниками, с прислугой. Обычное дело.

Они вернулись через два часа, мокрые, голодные и злые как черти.

— Николай Иванович, — начал Петька, отряхивая шляпу, — эта Блохина — та ещё штучка! Мы еле вырвались от неё. Она нас чуть не задушила в объятиях, когда узнала, что мы от вас.

— Почему? — удивился я.

— Потому что она ваша поклонница, — хихикнул Серёжка. — Говорит, читала про вас в газетах, про то, как вы заговорщиков ловили. И теперь мечтает с вами лично познакомиться.

— О, господи, — я поёжился. — Только этого мне не хватало для полного счастья.

— А ещё она очень красивая, — добавил Серёжка с хитрым прищуром. — Молодая, румяная, грудастая. И муж у неё старый, больной.

— Серёжка, прекрати, — оборвал я. — Мы о деле говорим, а не о купчихиных прелестях. Что с бриллиантами?

— А с бриллиантами вот что, — Петька достал из кармана блокнот и начал читать. — Пропали они три дня назад, во время званого обеда. В доме было человек тридцать — купцы, чиновники, их жёны, прислуга. Бриллианты лежали в шкатулке в спальне, на туалетном столике. Шкатулка была заперта, ключ у Блохиной. После обеда она пошла в спальню — шкатулка открыта, бриллиантов нет.

— Ключ у кого был?

— Только у неё. Но она говорит, что могла оставить его в сумочке, а сумочку — в гостиной. Так что любой мог взять.

— Взять, открыть, вынуть, закрыть и вернуть? — переспросил я. — Зачем закрывать? Если украл, то зачем следы замечать?

— Вот и мы не поняли, — Серёжка пожал плечами. — Может, кто из своих, чтобы подозрение отвести?

— Или, может, это не кража вовсе, — задумчиво сказал я. — Может, инсценировка. Для страховки. Чтобы получить деньги.

— Блохина не похожа на обманщицу, — заметил Петька. — Она очень искренне переживает.

— Женщины умеют притворяться, — философски изрёк я. — Ладно, поедем завтра. Познакомимся с купчихой. А пока — отдыхайте. Завтра трудный день будет.

На следующий день мы отправились к Блохиной. Дом её

стоял в центре, на Покровке, — двухэтажный особняк с колоннами, лепниной и огромными окнами. У ворот нас встретил швейцар в ливрее с позументами, который, узнав, что мы от самого Прянишникова, чуть не упал в обморок от уважения.

— Их степенство сейчас выйдут, — прошептал он, провожая нас в гостиную. — Они очень ждали.

Гостиная была обставлена с той крикливой роскошью, которая отличает купеческие дома, разбогатевшие на торговле, но не успевшие ещё приобрести вкус. Плюшевые кресла, тяжёлые портьеры, огромная люстра с хрустальными подвесками, на стенах — картины в золочёных рамах, изображавшие, кажется, всех членов семьи Блохиных в разных возрастах. Из гостиной пахло духами, сухими пирожными и ещё чем-то неуловимо женским — пудрой, что ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.